

надъ ними и послалъ въ лицѣ одного нищаго не только избавителя, но даже карателя неблагодарныхъ.

— Когда васъ снова потребуютъ къ жертвоприношеніямъ? спросилъ онъ.

— Когда послѣдуетъ новолуніе—отвѣчали безропотные граждане.

— Хорошо, я въ этотъ день явлюсь къ вамъ и вы будете избавлены навсегда отъ злыхъ существъ.

Въ указанное время властолюбивыя дѣвушки въ своихъ царскихъ нарядахъ вышли на площадь и на этотъ разъ потребовали, чтобы всѣ жители съ дѣтьми явились отпраздновать годовщину восшествія ихъ на престолъ. Требованіе было исполнено безъ малѣйшаго возраженія, но предварительно начатія жертвоприношенія животныхъ О и Пука обратились къ подданнымъ съ вопросомъ: кто изъ нихъ пожертвуетъ собою для прославленія ихъ имени?

При этихъ словахъ всѣ вздрогнули и окаменѣли отъ ужаса.

— Въ такомъ случаѣ намъ придется бросить жребій—сказала старшая и приказала, чтобы всѣ молодые люди отдѣлились отъ пожилыхъ.

Вмѣсто одной жертвы мы возьмемъ двѣ.

— Въ эту ужасную минуту къ ступенямъ трона подошелъ тотъ нищій, который обѣщаль освободить несчастныхъ гражданъ отъ незваныхъ повелительницъ. Снявъ съ плечъ своихъ торбу, онъ произнесъ громкимъ голосомъ:

— Ничтожныя чужестранки, мы дали вамъ пріютъ и насущное пропитаніе, а вы зазнались до того, что захотѣли сдѣлать насъ всѣхъ рабами своими. Достигнувъ этого, вы заставили насъ поклоняться своимъ изображеніямъ и считать своимъ божествомъ, а въ заключеніе требуете нашей крови. Неблагодарныя! вы вообразили, что терпѣнію нашему не будетъ предѣла и что между нами не найдется никого, кто-бы наказалъ васъ въ примѣръ будущимъ поколѣніямъ. Ошибаетесь дерзкія! „Затѣмъ онъ повернулся къ согражданамъ своимъ и спросилъ: какому наказанію они пожелали-бы подвергнуть дерзновенныхъ?

— Дѣлай съ ними все что хочешь—отвѣчалъ народъ—мы только просимъ избавить насъ отъ самовольно присвоенной власти.

— Слышите гласъ народа? крикнулъ факиръ.

— Это ничтожное жужжаніе комарей—отвѣчали дѣвушки—а ты ихъ дерзкій представитель сейчасъ испытаетъ наше могущество. Эй, воины, покажите на немъ примѣръ нашей строгости!

— Не смѣйте трогаться съ мѣста! закричалъ нищій—иначе и вы погибнете отъ одинаго мановенія моея руки. Сказавъ это, онъ поднялъ палецъ къ небу и громогласно произнесъ: заклиная васъ неблагодарныя твари чужой земли сію же минуту превратиться въ птицъ, которыя сохранили-бы сходство съ вами, но прикосновеніе къ которымъ считалось-бы омерзениемъ для человѣка. Тронъ-же, воздвигнутый вами, да превратится въ скалу и гнѣзда гадинъ. Этого мало, да будетъ отнынѣ нашимъ закономъ убивать всѣхъ иностранцевъ, которые выйдутъ на наши земли!

Только что были окончены эти слова, какъ заколыхалась земля и, предъ раступившимся народомъ, выдвинулась высокая гора, на вершинѣ которой оказались двѣ птицы въ перьяхъ цвѣта мантий, носимыхъ дерзкими иностранками и съ такими-же гребнями на головахъ. Птицы эти, прижавшись другъ къ другу, неистово кричали: „О,—пу! О,—пу!“ т. е. выкрикивали свои имена, но мальчики, не понявъ значенія этихъ звуковъ, отвѣчали имъ: „ку—ку!“

Съ того времени скала эта на память поколѣній получила названіе Опукъ-каи и тамъ постоянно живутъ два удода, какъ-бы для того, чтобы поддерживать въ народѣ воспоминаніе о давно совершившемся событіи“.

Разсказчикъ допилъ свой чай и, улыбаясь, сказалъ: надо-же было выдумать такую небылицу. Сказано бабы! Чего онѣ не придумаютъ, чтобы занять своихъ дѣтей. Спасибо вамъ за чай. Этотъ напитокъ несравненно пріятнѣе нашей сладкой бузы. Жаль что наши женщины не имѣютъ возможности ознакомиться съ его приготовленіемъ. Это было-бы по выгоднѣе ихъ сказокъ.

Я не замедлилъ налить гостю моему второй стаканъ, въ надеждѣ вымануть у него еще какое-нибудь мнѣическое преданіе, относящееся къ Керченскому полуострову, которыхъ навѣрно существуетъ у татаръ безсчетное множество, но которыя къ сожалѣнію достаются только на долю дѣтей преимущественно женскаго пола.

— Ну, а скажи мнѣ пожалуйста—спросилъ я—что разсказываютъ ваши бабы о развалинахъ извѣстныхъ подъ именемъ Узунъ-калеси при деревнѣ Казантипъ?

— Такой-же вздоръ и небылицы, какъ и всѣ ихъ сказки. Увѣрю васъ, что намъ неприлично ихъ повторять.

— Да вѣдь мы теперь сидимъ безъ всякаго занятія. Все лучше болтать пустяки, чѣмъ молча сидѣть.

— Въ этомъ отношеніи вы пожалуй правы.

Нѣсколько минутъ спустя я добился таки, что Самій-бай разсказалъ мнѣ еще двѣ легенды безъ всякаго конечно предположенія, что я стану записывать ихъ .

2 Длинная крѣпость.

Подъ этимъ названіемъ на татарскомъ языкѣ, какъ сказано было раньше, существуетъ на берегу Азовскаго моря при деревнѣ Казантипъ, развалины небольшого древняго городка, о которомъ исторія не сохранила намъ ни какихъ намековъ. Если же существовали о немъ преданія у туземцевъ, то преданія эти безъ сомнѣнія исчезли послѣ окончательнаго погрома Пангикапей и замѣнились вновь вымышленными.

Мы довольны были-бы, еслибъ въ разсказѣ Самій-бая была хоть частичка справедливости, хотя и убѣждены, что въ легендахъ она не представляетъ существеннаго достоинства.

„Наши старухи говорятъ, что въ давно минувшія времена кер-

ченская степь такъ изобиловала хлѣбнымъ зерномъ, какъ ни одна страна въ мѣрѣ; что въ хлѣбныхъ нивахъ нельзя было замѣтить табуна лошадей и стада коровъ и что собираемый хлѣбъ не знали куда дѣвать и сбывали его за ничтожныя деньги иностраннымъ мореходцамъ. Вотъ въ это благодатное время одинъ изъ обогатившихся рыбнымъ промысломъ, задумалъ приобрести всѣ сокровища мѣра и съ этою цѣлью явился къ мѣсту, нынѣ называемому Узунъ-калеси, и приказалъ воздвигнуть постройку такой высоты и длины, которая могла-бы вмѣстить въ себя столько хлѣбнаго зерна, сколько потребовалось-бы на содержаніе людей всѣхъ извѣстныхъ ему городовъ и царствъ.

Понятно, что для такого зданія нужны были тысячи рукъ и тысячи животныхъ для доставки матерьяловъ, но строителю это ничего не значило, такъ какъ въ сундукахъ его лежало много лѣтъ въ большихъ массахъ приобретенное имъ золото, которое онъ не одолжалъ никому изъ боязни лишиться, а между тѣмъ ропталъ на судьбу, что состояніе его далеко не достигло до такой степени, которая была желательна ненасытному глазу.

— Для чего ты издерживаешь такъ много золота—спрашивали его тѣ, кто видѣлъ его расходы. Какую пользу тебѣ можетъ принести зданіе, построенное вдали отъ людей?

— Я намѣренъ перенести туда мои рыбные склады—отвѣчалъ онъ нехотя.

— Отчего-же ты не принесъ предварительно на этомъ мѣстѣ жертвоприношенія и не пригласилъ насъ на молитву, освящающую всякое предпріятіе?

— Оттого, что нынѣ животныя даромъ не даются, а мнѣ не возвратить добрые люди того, что я издержу на ихъ угощенія.

— Неужели ты не вѣришь, что Богъ вознаграждаетъ десятирицею все, данное нами во славу имени его? говорили третіи.

— Нѣтъ я въ это не вѣрю и смѣюсь надъ тѣми, которые рассказываютъ это съ цѣлью пообѣдать и выпить пьянымъ на чужой счетъ.

Тѣмъ временемъ зданіе быстро росло и въ заключеніе приняло такіе поражающіе размѣры, что многіе пріѣзжали изъ отдаленныхъ мѣстъ посмотреть на неестественную величину его.

Однажды къ строителю подошелъ чрезвычайно старый человекъ и, послѣ обыкновеннаго привѣтствія, спросилъ съ какою цѣлью строится это зданіе?

— Я рассказалъ-бы тебѣ старикъ—отвѣчалъ хозяинъ—но я такъ обезсиленъ сегодня голодомъ, что не имѣю силы говорить.

— Бѣдняжка, видно господинъ, воздвигающій въ одной постройкѣ цѣлый городъ, не располагаетъ лишнимъ кускомъ хлѣба, чтобы насытить вѣрнаго слугу своего. Изволь-же поѣсть моего. Сказавъ это, факиръ открылъ предъ нимъ суму свою и предоставилъ выбрать изъ нея все подходящее по вкусу голодающаго.

Насытившись, хозяинъ постройки началъ благодарить добраго факира.

— Не благодари меня—отвѣчалъ онъ—потому что рано или поздно я потребую отъ тебя такого-же ничтожнаго одолженія. Мы люди безпрестанно имѣемъ нужды одинъ въ другомъ и противъ ожиданія встрѣчаемся. Ну, теперь потрудишься удовлетворить моему любопытству.

— Если тебѣ извѣстенъ главный рыболовъ керченскаго богаза (пролива)—началь хозяинъ—котораго всѣ именуютъ Золотымъ слоньомъ, то мнѣ достаточно сказать, кто строить это зданіе.

— Я очень много слышалъ о Золотомъ слонѣ, но никогда не видѣлъ его—отвѣчалъ факиръ. Однако что ему за надобность удалиться на это ни къмъ необитаемое побережье?

— У хозяина моего великая цѣль. Во первыхъ завладѣть всѣмъ этимъ берегомъ моря, который иногда представляетъ богатые уловы рыбы, но главнѣе основать на берегу моря житницу, въ которую скоплять хлѣбное зерно въ тѣ годы, когда оно будетъ отдаваться ему по ничтожной оцѣнкѣ въ замѣнъ рыбы. Зерно это онъ намѣренъ хранить до того времени, пока настанетъ повсемѣстный неурожай и тогда продать его въ сотню разъ дороже, чтобы разомъ сдѣлаться самымъ богатѣйшимъ человекомъ въ мѣрѣ.

— А знаетъ-ли онъ навѣрно, что выпадетъ такой несчастный для всѣхъ годъ въ продолженіи его жизни?

— Онъ говоритъ, что дважды былъ уже свидѣтелемъ такого событія.

— Ну, это еще не даетъ права вѣрить, что бѣдствіе повторится и въ третій разъ прежде, чѣмъ онъ умретъ.

— Хозяинъ мой ничѣмъ во всякомъ случаѣ не рискуетъ: въ крайности онъ будетъ раздавать залежавшійся хлѣбъ массѣ работниковъ въ счетъ пая или денежнаго вознагражденія.

Факиръ казался удовлетвореннымъ этимъ рассказомъ и, пожелавъ здоровья, пошелъ своею дорогою.

Два—три года спустя хлѣбный магазинъ, отстроенный окончательно, началъ насыпаться безъостановочно очищеною пшеницею. Золотой слонъ, дрожавшій надъ каждымъ зерномъ ея самъ переселился въ магазинъ, чтобы наблюдать за рабочими. Въ концѣ концовъ зданіе было наполнено миллиономъ четвертей, хорошо высушенной пшеницы и заперты желѣзныя двери на замки, около которыхъ поставлена была несмѣнная стража рыбаковъ, обязанныхъ заниматься рыболовиемъ только въ виду магазина. Прошло нѣсколько лѣтъ. Хлѣбное зерно не повышалось въ цѣнѣ. Слонъ негодовалъ на милостиваго Аллаха, но не терялъ надежды достигнуть своего желанія.

Въ одно время, сидя на берегу моря, онъ увидѣлъ вновь того самаго факира, который когда-то накормилъ его.

— Здравствуй добрый человекъ—крикнулъ онъ—какой ты счастливецъ: твоя сума опять полна съдомаго, а я сижу весь день безъ куска хлѣба. Горе быть въ зависимости отъ скупаго хозяина!

— Всѣмъ этимъ надѣляютъ меня ищущіе вѣчнаго блаженства и я въ свою очередь дѣлюсь собраннымъ съ тѣми, которые лишены ногъ и зрѣнія.

— Завидую я и тѣмъ, которые могутъ давать тебѣ—и тебѣ, который помогаетъ несчастнымъ. О чего-бы я не далъ, чтобы наслаждаться такимъ счастьемъ!

— Надѣйся на Бога братъ мой, а пока поддержи силы свои моими запасами. Кто знаетъ можетъ быть и мнѣ придется придти къ твоему порогу.

Наѣвшись до сыта, Слонь, воспользовался моментомъ, когда факирь отвернулся и стащилъ изъ сумы его про запасъ еще два большихъ куса хлѣба.

— Ну, что твой хозяинъ? Говорятъ, что онъ окончилъ свою постройку и наполнилъ ее народнымъ потомъ со слезами пополамъ?

— Народъ всегда любитъ клеветать—отвѣчалъ Золотой Слонь—мой хозяинъ дѣйствительно очень скупъ, но ни у кого ничего сильно не отбираетъ.

— Тѣмъ лучше для него. Жалѣю я, что до настоящаго времени не могъ встрѣтиться съ нимъ.

— Если ты надѣешься на его щедроты, то я не совѣтывалъ бы искать встрѣчи съ нимъ.

— Ну, а еслибъ я предсказалъ ему въ точности то время всеобщаго голода, которое онъ ожидаетъ съ такимъ нетерпѣнствомъ? Согласись самъ, что предсказаніе мое принесло бы ему громадную пользу.

— Если ты сдѣлаешь это безъ всякаго интереса, то Золотой Слонь охотно его приметъ, но если ты потребуешь вознагражденія, онъ не станетъ слушать тебя.

— Даромъ я ничего не скажу ему, потому что онъ очень много выиграетъ отъ этого. Вознагражденіе-же потребую только тогда, когда пророчество мое сбудется.

— А сколько бы ты, примѣрно, потребовалъ?

— Самое малое, сто четвертей пшеницы.

При этихъ словахъ слушатель подпрыгнулъ на мѣстѣ и расхохотался.

— Сто четвертей! произнесъ онъ, продолжая смѣяться—да при своемъ-ли ты умѣ? Возможно-ли запрашивать такое вознагражденіе за нѣсколько словъ? Мой хозяинъ во первыхъ очень расщелчивъ и наконецъ не такъ глупъ, чтобы разбрасывать состояніе, которое онъ приобрѣлъ тяжкими трудами и самопожертвованіями.

— А какъ ты думаешь: какое онъ предложитъ вознагражденіе безъ сожалѣнія?

— Я тѣхъ убѣжденъ, что если твое предсказаніе въ дѣйствительности сбудется въ скоромъ времени, то онъ охотно дастъ тебѣ одну четверть посредственнаго достоинства пшеницы.

— Согласенъ! отвѣчалъ факирь, такъ какъ въ то время стоимость одной четверти зерна будетъ равняться сотни четвертямъ въ наше время. Веди-же меня къ твоему хозяину.

Золотой Слонь на минуту растерялся, но потомъ поднялся и пригласилъ собесѣдника слѣдовать за нимъ къ виднѣющимся вдали рыболовнымъ баракамъ. Пришедъ къ одному изъ нихъ онъ

переговорилъ съ однимъ изъ служащихъ у него и предоставилъ ему право назваться Золотымъ Слономъ и покончить сдѣлку съ факиромъ.

Уполномоченный работникъ началъ требовать отъ нищаго опредѣленія времени голода.

— Нѣтъ другъ мой ты предварительно сдѣлай мнѣ знакъ на тряпочкѣ кровью своею въ доказательство святости договора и тогда только услышишь изъ устъ моихъ пророчество.

Служитель, подъ предлогомъ не имѣнія у себя орудія для укола пальца, возвратился въ балаганъ и заставилъ хозяина самого сдѣлать рукоприкладство. Послѣ чего они оба вышли къ факиру и подали ему тряпку съ кровавыми знаками.

— Теперь и я скажу вамъ мой секретъ: въ нынѣшнюю весну и до времени уборки хлѣбовъ не будетъ ни одного дождя не только въ Крыму, но по всей этой полосѣ до предѣловъ земли. Такимъ образомъ то, чего ты ожидалъ съ такимъ страхомъ и нетерпѣнствомъ, то наступило прежде, чѣмъ могла произойти у тебя потеря зерна, собраннаго въ большомъ количествѣ, не смотря на то, что ты подсыпалъ въ него соли для предупрежденія порчи. Прощай, я своевременно явлюсь къ тебѣ за расчетомъ. Сказавъ это, факирь удалился.

Предсказанія нищаго въ точности сбылись. Нигдѣ въ степяхъ Крыма не видѣлось ни одной копны ни сѣна, ни пшеницы. Домашнія животныя ревѣли, птицы улетали съ зловѣщими криками. Народъ безпрестанно взывалъ къ Аллаху и какъ-то невольно обращалъ глаза къ громаднѣйшей постройкѣ Золотаго Слона, въ которой хранилась ихъ жизнь.

— Онъ навѣрно не допуститъ погибнуть нашимъ дѣтямъ съ голода—говорили поселенцы и горожане; онъ навѣрно одолжитъ насъ съ умѣреннымъ вознагражденіемъ на счетъ нашихъ будущихъ благъ.

Тѣмъ временемъ Золой Слонь изъ боязни, чтобы простонародіе не прибѣгло къ насилію, приказалъ пристроить къ кровлѣ магазина своего разные приспособленія для предупрежденія насилія и вооружилъ всѣхъ рыбаковъ своихъ.

Съ наступленіемъ первыхъ осеннихъ дней Слонь самъ переселился въ крѣпость свою и началъ поджидать покушниковъ. По расчетамъ его смѣло можно-бы продавать пшеницу по 30-ти червонцевъ за четверть, такъ какъ ни у кого не было запасовъ, но боясь ожесточить народъ онъ придумалъ начать продажу съ 20-ти и за тѣмъ чрезъ всякую недѣлю набавлять еще по два золотыхъ, такъ что въ самое необходимое и предпоследнее бѣдственное время надѣялся получать по 50 червонцевъ за четверть.

Естественно, что къ нему прежде всѣхъ обратились горожане и съ проклятіями платили ужасныя деньги. Затѣмъ явились иностранные мореходцы, промышленники, а въ заключеніе начали толпами являться бѣдные хлѣбонашцы, у которыхъ онъ покупалъ четверть пшеницы за кусокъ вяленой или соленой рыбы, не имѣющей въ то время никакой цѣнности.

Люди эти, не располагавшіе деньгами умоляли богача одолжить имъ хоть по одной четверти съ тѣмъ, что они въ будущемъ году привезутъ ему за одолженіе по десяти четвертей.

— Спасибо вамъ—отвѣчалъ Слононь—я не для того четыре года собиралъ мое зерно, чтобы вымѣнивать его на зерно-же. Давайте по 30 червонцевъ и просьба ваша будетъ услышана.

Народъ рыдалъ и сотнями умиралъ около стѣнъ длинной крѣпости. Новыя партіи замѣняли ихъ, въ надеждѣ поколебать чугунное сердце богача. Тѣмъ временемъ передъ магазиномъ появился извѣстный факиръ и, ставъ предъ Слономъ, потребовалъ отъ него исполненія обязательства.

— Любви́нѣйшій братъ—отвѣчалъ ему богачъ—мой хозяинъ поручилъ мнѣ сказать, что такъ какъ ты явился не во время, а когда четверть пшеницы увеличилась на 10 червонцевъ, то не иначе отпустить ее какъ получивши отъ тебя добавочные деньги.

— Но у меня нѣтъ денегъ и я умираю съ голода. А тебѣ не говорилъ хозяинъ, что я его дважды накормилъ и теперь ожидаю отъ него той-же милости.

— Хозяинъ говорить, что тогда было другое время.

Выслушавъ эти слова факиръ внезапно сбросилъ съ себя рубища и оказался грознымъ азыземъ (святымъ) этой земли.

— О негодный изъ всѣхъ мусульманъ! вскрикнулъ онъ—если ты такъ поступаешь съ святыми хранителями людей, то ты долженъ сію-же минуту погибнуть самою гнусною смертію въ примѣръ всему человѣчеству и отъ зданія твоего не должна остаться ни одна стѣна въ цѣлости. Сказавъ это, онъ поднялъ руку къ небу.

Въ эту минуту откуда не взялись миллионы крысъ необыкновенной величины и, бросившись въ крѣпость, моментально разнесли тѣло жестокаго человѣка, а тысячи голодныхъ людей разнесли всю постройку, что спасти себя и дѣтей своихъ отъ преждевременной смерти“.

Вотъ какую сказку сложила бабушка моя о развалинахъ при деревнѣ Казантипъ, хотя и говорить, что слышала ее отъ другихъ, но бабамъ я мало вѣрю: у нихъ сплетни, тоже что у мушкетеровъ волосы: какъ не брей—все вылезутъ!

9 Митридатовская гора.

Крымскіе татары, поселившись въ Крыму надо предполагать находили въ большомъ количествѣ золотыя и серебряныя вещи въ древней Пантикалеѣ, бывшей столицѣ Восточнаго царства *) и не зная, что цѣнные металлы эти привозились сюда греками изъ отдаленной Сибири, создали себѣ идею, что одинъ изъ Восточныхъ царей владѣлъ какою-то таинственною травой, имѣющею свойство превращать каждый предметъ въ золото и этимъ спосо-

*) Теперешняя Керчь.

бомъ обогащали своихъ подданныхъ. Предположеніе это въ такой степени показалось правдоподобнымъ, что поколѣнія придумали много легендъ и сказокъ о сокровищахъ, скрытыхъ въ Митридатовской горѣ. Изъ всѣхъ ихъ въ мое дѣтство болѣе популярною считалась слѣдующая:

„Одинъ изъ пресвѣтлѣйшихъ Крымскихъ хановъ, желая отыскать самое вѣрное средство для обогащенія казны своей, приглашалъ, чрезъ глашатаевъ на совѣтъ всѣхъ ученыхъ мудрецовъ и черно книжниковъ. Многие поспѣшили предстать предъ свѣтлые очи могущественнаго властителя, но увы, никто изъ нихъ не могъ утолить жажды повелителя своего. Нетерпѣливый ханъ началъ уже сердиться и предавать заключенію тѣхъ, которыя считая себя умными и всезнающими, бесполезно отнимали у него сладостный покой.

Годъ спусти ханъ убѣдившись, что къ нему являлись только смѣлые искатели счастья и что истинныхъ мудрецовъ необходимо ему самому искать, потребовалъ министровъ своихъ и объявилъ имъ о желаніи своемъ пройти пѣшкомъ по царству съ цѣлью лично ознакомиться съ нуждами подданныхъ.

Министры единогласно возстали противъ этого, стараясь увѣрить государя своего, что нельзя надѣяться на общую расположенность народа, что это неприлично державному хану и что онъ перенесетъ много неприятностей и оскорбленій. Ханъ улыбнулся и отвѣчалъ: „я хорошо знаю причины вашихъ желаній держать меня въ запертѣ; вы боитесь за себя, а между тѣмъ думаете вселить во мнѣ мысль, что кромѣ васъ, всѣ остальные люди ненавидятъ меня, а я скажу вамъ, что тотъ только падишахъ съ удовольствіемъ и наслажденіемъ можетъ прожить свой вѣкъ, который постоянно сталкивается съ народомъ не какъ властитель, а въ маскѣ равнаго имъ бѣдняка“.

Сказавъ и въ тотъ-же день, переодѣвшись въ платье дервиша, вышелъ изъ дворца. До поздней ночи онъ бродилъ по безконечнымъ улицамъ великолѣпнаго въ то время Эски-Крыма *), подслушивая разговоры дряхлыхъ стариковъ и веселыхъ юношей.

Всѣ почти разговаривали о немъ и его невѣроятномъ желаніи найти вѣрное средство къ обогащенію. Толки эти хотя и оскорбляли порою слухъ хана, но онъ терпѣливо, выслушивалъ ихъ до того времени, пока кто-либо изъ говорившихъ не произносилъ имени того мага или мудреца, который, по мнѣнію его могъ-бы удовлетворить желанію хана. Записавъ нѣсколько подобныхъ именъ властитель возвратился въ сераль свой. На слѣдующій день онъ лично посѣтилъ случайно открытыхъ мудрецовъ; но изъ всѣхъ только одинъ отвѣчалъ хану, что желаніе его можетъ быть достигнуто, если онъ изъявитъ согласіе буквально подчиниться ему и ничего не спрашивать до времени возвращенія изъ необхо-

*) Старый Крымъ бывший некогда богатый городъ, а нынѣ мѣстечко между Эвродосією и Карасубазаромъ.